

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

БРАК НЕ ПО
СЕРДЦУ

Николай Эдуардович Гейнце

Брак не по сердцу (Рассказы)

«Барон Карл Федорович фон Крафт был молодой человек, подающий блестящие надежды. Выпущенный не так давно из одного привилегированного учебного заведения, он поступил на службу в один из многочисленных петербургских департаментов.

Служба не обременяла его. Питомцы привилегированных заведений не употребляют на черную канцелярскую работу. Они обыкновенно сперва „состоят“, а потом сразу „заведуют“. Карл Федорович теперь „состоял“...»

Николай Гейнце
Брак не по сердцу
Совершенно невероятное
приключение

Барон Карл Федорович фон Крафт был молодой человек, подающий блестящие надежды. Выпущенный не так давно из одного привилегированного учебного заведения, он поступил на службу в один из многочисленных петербургских департаментов.

Служба не обременяла его. Питомцы привилегированных заведений не употребляют на черную канцелярскую работу. Они обыкновенно сперва «состоят», а потом сразу «заведуют». Карл Федорович теперь «состоял».

Рекомендованный своему непосредственному начальнику одним из товарищей последнего, — дальним родственником Карла Федоровича, — он был обласкан его превосходительством и даже принят в дом; следовательно, карьера его, при небольшом с его стороны умении, была обеспечена, а умения нашему барону было не занимать. Еще на школьной скамье он мечтал о карьере и между товарищами выбирал лишь сыновей влиятельных и сановитых родителей, умел делаться их другом и через них попал в центр высшего петербургского света, куда нелегко

пробратся даже баронам, особенно при том недостатке, которым, к несчастью, обладал Карл Федорович — он был беден.

Впрочем, наш барон и тут умел жить. С помощью тех же товарищей ему был открыт кредит, которым он, в надежде на карьеру и выгодную женитьбу, и пользовался широко.

Все шло, как по маслу. Но туча надвигалась.

Павел Николаевич Оболдуй-Загорянский, начальник Карла Федоровича, был вдовец. Он жил со своей единственной дочерью, Александрой Павловной, красивой девятнадцатилетней брюнеткой, с год как кончившей курс института — богатейшей невестой Петербурга (ходили слухи, что за ней отец дает в приданое полмиллиона, и слухи эти, в виду колоссального состояния Оболдуя-Загорянского, не были неправдоподобны). При дочери жила компаньонка — девушка лет тридцати, имевшая, если верить доходившим сплетням, большое влияние на старика.

Марья Николаевна Шеина — так звали эту компаньонку — жила в доме Павла Николаевича до выхода его дочери из института в ка-

честве домоправительницы и лишь вслед за этим преобразилась в компаньонку.

Оболдуй-Загорянский несколько раз пытался выдать ее замуж за кого-либо из своих подчиненных, но безуспешно: Марья Николаевна была разборчива и не хотела расстаться со своим тепленьким местечком.

Блестящий барон покорил, однако, сердце этой перезрелой девы — она видимо к нему благоволила.

Старик заметил это; но барон был подчиненный привилегированный: ему нельзя было приказать жениться, и Оболдуй-Загорянский выжидал.

Несколько раз он как бы вскользь замечал барону, что за Марьей Николаевной двадцать пять тысяч приданого, но тот, видимо, не понимал или старался не понимать этого намека.

Павел Николаевич не переставал, однако, надеяться и радушно принимал Карла Федоровича, который бывал в его доме запросто почти ежедневно.

Но что же влекло барона?

Не компаньонка. Он метил выше. Полу-

миллионное приданое хорошенькой дочери Павла Николаевича было для него сильнейшим магнитом.

Александра Павловна тоже не была глуха к исканиям барона, и между ними завязался роман в легком жанре.

Влюбленная парочка, насладившись всеми платоническими прелестями любви, начала мечтать о браке.

Но как быть? Рассчитывать на согласие отца нечего было и думать. Несмотря на неизмеримую любовь к дочери, он бы никогда не согласился на брак ее с малочиновным бедняком.

Баронство Карла Федоровича тоже мало значило в глазах Оболдуй-Загорянского.

Все это молодые люди знали.

На романтическое бегство великосветская красавица не соглашалась, находя это слишком shocking.

Влюбленные страдали.

Барон ходил, как в воду опущенный: чувство любви и жажда уз Гименя увеличивались в нем чувством должника, преследуемого своими кредиторами.

В таком-то состоянии Карл Федорович совершал раз свою обычную прогулку по Невскому.

— Барон, вы ли это? — раздался чей-то голос.

Карл Федорович обернулся и на ступенях входа к Доминику увидел своего старого знакомого и приятеля — Сергея Ивановича Доброволина и вошел с ним к Доминику.

Сергей Иванович велел подать себе водки и кулебяки, а барон чашку кофе и сладкий пирожок.

После обычных расспросов Карл Федорович рассказал Сергею Ивановичу историю своей любви и беспокоящее его разрешение вопроса: «как быть?»

Имя невесты, конечно, было скрыто.

— Очень просто! — заметил Сергей Иванович (он был большой делец). — Она может выйти за вас замуж, не выходя из своего дома, и даже в тот момент, когда будет сидеть с отцом за чаем.

Барон вытаращил глаза.

— Надо достать бумаги невесты, — конечно, с ее согласия, — продолжал развивать

свою мысль Доброволин, — а с ними всегда можно найти подходящую «особу», которая согласится за известную плату пойти под венец и расписаться именем и фамилией, значащимися в бумагах невесты. Настоящая невеста спорить против брака не будет, отец не решится на скандал, и все будет обстоять благополучно.

Барона этот план поразил.

— А согласитесь вы помочь мне в этом деле? — вкрадчиво спросил он Доброволина.

— Отчего же, — отвечал тот, — «особу» я вам найду рублей за триста. Привезите бумаги.

Барон записал адрес Дорброволина, а ему дал свою карточку, и они расстались. В этот же вечер Карл Федорович передал план Доброволина Александре Павловне.

Та, после долгих колебаний и упрашиваний со стороны барона, согласилась; но, чтобы добыть бумаги, надо было довериться и Марье Николаевне. Это взялась устроить сама Александра Павловна, ручаясь за успех.

— Она мне очень предана, да и к тебе тоже благоволит, — она согласится, — уверенно за-

метила она.

Барон был в восторге.

На другой день, утром, он отправился к Доброволину, отвез ему триста рублей и просил найти «особу».

«Особа» была найдена.

В то же время в доме Оболдуй-Загорянского происходили следующие сцены:

Марья Николаевна, выслушав признание и просьбу Александры Павловны, согласилась.

— Это страшно рискованно, ваш отец сживет меня со свету, но я ни в чем не могу отказать вам.

Девушки упали друг другу в объятия.

Через несколько времени Марья Николаевна была уже в кабинете старика.

В коротких словах она изложила ему план его дочери и барона.

— Гм! — крикнул Оболдуй-Загорянский и начал ходить по кабинету.

Несколько минут продолжалось молчание.

— Хочешь быть баронессой фон Крафт? — остановился он вдруг перед Марьей Николаевной.

Та покраснела. Старик понял.

— Положи в конверт вместо бумаг дочери — свои. — Влюбленные рассеянны, а за все остальное отвечаю я, — заметил он.

Марья Николаевна вышла.

Запечатанный конверт с бумагами был вручен барону Александрой Павловной вечером того же дня.

Барон уехал от Оболдуй-Загорянских ранее обыкновенного, крепко пожав на прощание руку Марьи Николаевны.

Та скромно потупила глазки и покраснела.

Карл Федорович помчался к Доброволину и вручил ему пакет, а также и свои бумаги.

Тот объяснил, что свадьбу можно сыграть даже завтра.

— Свидетелями будут: я и трое моих приятелей, — добавил Сергей Иванович.

— Завтра, так завтра! — решил со смехом барон и попросил Доброволина завернуть к нему завтра сообщить назначенный час.

На другой день, в шесть часов, он был в церкви, где невеста, молоденькая милостивая брюнеточка, и Доброволин с приятелями дожидались его. Все было кончено.

За бумагами пришлось заехать через несколько дней.

Дня через три барон получил приказ о назначении его в одну из приволжских губерний. Приказ сначала поразил его, но, обдумав, он решил, что тем лучше.

— Теперь есть предлог потребовать свою жену, — самодовольно сказал сам себе барон. — Можно сделать это и нынче, — продолжал он соображать и взглянул на часы.

Была половина первого — час, когда Оболдуй-Загорянский бывает дома.

Карл Федорович заехал получить бумаги и прямо отправился к «тестю».

— Довольны вы вашим назначением? — встретил его начальник.

— Благодарю вас, но я желал бы выехать к месту моего служения с моею женой, — твердо произнес барон.

— Кто же вам мешает, если вы женаты, чего я не знал, впрочем, — удивился Оболдуй-Загорянский.

— Да, я женат недавно, и жена моя живет в вашем доме, — продолжал барон.

— В моем доме!? — как бы недоумевал Па-

вел Николаевич.

— Да, вот доказательство!

Барон подал бумаги Оболдуй-Загорянскому, который развернул их и начал просматривать.

— Вы женились, мой милый, без позволения начальства и даже тайно от меня, своего хорошего знакомого, а я ведь не был бы ничуть против этого брака.

Карл Федорович не ожидал. Он был потрясен.

— Простите... Страстная любовь... — шептал он.

— Что тут прощать, дела не поправишь! — заметил Оболдуй-Згорянский и позвонил.

Вошел лакей.

— Попроси сюда Марью Николаевну! — приказал он ему.

Через несколько минут Марья Николаевна вошла в кабинет.

— Стыдно, сударыня, иметь тайны от меня, вашего благодетеля, почти отца! — обратился к ней Оболдуй-Загорянский. — Барон сейчас сознался мне, что он недавно тайно обвенчан с вами...

При последних словах Оболдуй-Загорянский подошел к нестораемому шкафу и отпер его.

— Вот ваше приданое — двадцать пять тысяч! — продолжал он, подавая ей сверток ценных бумаг. — Бог простит вас, как прощаю и я... Можете отправляться с вашим мужем: он получил назначение в с-кую губернию.

Барон стоял и слушал в полном недоумении.

— Но я женат не на Марье Николаевне! — успел наконец вставить он свое слово.

— Как!? А что это?

И генерал подал ему бумагу.

Федор Карлович взглянул и обомлел. Это было метрическое свидетельство девицы из дворян Марьи Николаевны Шейной с надписью о том, что она повенчана первым браком с бароном Карлом Федоровичем фон Крафт.

Барон до крови закусил себе губы и злобно посмотрел на свою супругу, стоявшую с опущенной головой и со свертком процентных бумаг в руке.

Через некоторое время молодые отправились в с-кую губернию.